

УДК 94 (476) «18/19»

А.Д. Кузьмин

УЧРЕЖДЕНИЯ И ЧИНОВНИКИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1881–1917 гг.)

В статье рассматриваются структура, кадровый состав и деятельность Могилёвских губернских учреждений Министерства внутренних дел в 1881–1917 гг. Автор изучил социальный состав, уровень образования служащих Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора путём анализа формулярных послужных списков чиновников, а также Памятных книжек Могилёвской губернии. Практическая значимость данной статьи определяется возможностью использования её материалов в исследовании социальной и культурной истории Беларуси, истории государства и права, а также в исторической антропологии.

Введение

Созданное в сентябре 1802 г. Александром I Министерство внутренних дел играло центральную роль во внутренней политике Российской империи, претворяя в жизнь все указы императора и проводя на местах его политику. К середине XIX в. оно ведало самым обширным кругом вопросов: от охраны общественного спокойствия и порядка до надзора за народным здоровьем; от архитектуры до образования. Решение крестьянского вопроса, проведение первой Всероссийской переписи населения 1897 г., общий надзор за жизнедеятельностью в губернии, а также возложение на него других крупных и мелких полномочий привело к тому, что к концу XIX в. Министерство внутренних дел заняло главенствующее место в государственном механизме, сосредоточив в своём ведении значительную часть внутренних функций государства и оказывая огромное влияние на развитие всех политических, социальных и экономических процессов. Однако эффективность деятельности любой управленческой структуры нельзя оценить без рассмотрения её кадрового состава, что требует детального анализа человеческого потенциала учреждений этого ведомства на губернском уровне [1, с. 3].

Структура и кадровый состав учреждений МВД в Могилёвской губернии

Главой местной администрации являлся губернатор, официально признаваемый законами «хозяином губернии» [2, с. 223]. В пореформенный период власть губернаторов была значительно усилена тремя законоположениями. Положение Комитета министров от 22 июля 1866 г. предоставляло губернатору право общей и внезапной ревизии во всех административных местах гражданского ведомства. Он имел право изъяслять несогласие на определение на службу, перемещение или перевод чиновников гражданского ведомства в случаях признания их неблагонадёжными. Губернатор мог аттестовать подчинённых на представление к наградам, приглашать и вызывать всех служащих в губернии, несмотря на сравнительное по классу, должности или чину старшинство. Первое лицо губернии наделялось правами прекращать всеми мерами что-либо, не соответствующее общественному порядку (закрывать клубы, собрания, общества и т.д.). Положение Комитета министров от 13 июля 1876 г. предоставляло губернатору право издавать в пределах своего ведомства постановления в целях правильного и успешного исполнения, исходя из местных условий, которые бы узаконивали общественное благочиние, порядок и безопасность. Положение 1881 г. об усиленной охране наделяло губернатора в тех местностях, где охрана была введена, широкими карательными полномочиями. С другой стороны, правила 27 марта и 11 мая 1890 г. о взаимных отношениях

гражданских и военных властей ставили губернатора значительно ниже начальника дивизии; даже командир бригады, если он старше губернатора в чине, не представлялся ему, а лишь наносил визит.

Губернатор считался председателем следующих местных учреждений: Губернского правления, Губернского статистического комитета, Губернского по крестьянским делам присутствия, Губернских присутствий по земским и городским делам, по фабричным делам и по воинской повинности. Он председательствовал также в Губернских распорядительном и лесоохранительном комитетах, в приказах общественного призрения и Комиссиях народного продовольствия. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., последовавшие за отменой крепостного права, которые самодержавие в западных губерниях проводило непоследовательно и с большой осторожностью, ставили их под усиленный контроль губернатора как высшего представителя императорской власти на местах. Иерархически и субординационно губерния и её губернатор в наибольшей степени зависели от Министерства внутренних дел и возглавлявшего его министра и были поставлены под верховный надзор Правительствующего Сената как высшего административно-управленческого учреждения империи [3, с. 29–30].

Заместитель губернатора назывался вице-губернатором, в отсутствие губернатора он получал все его полномочия. Должность вице-губернатора относилась к V классу (статский советник).

При могилёвском губернаторе состояли канцелярия (4–5 человек) и чиновники для особых поручений (3–5 человек). Органом, непосредственно содействующим губернатору в осуществлении его функций, являлось Губернское правление. Правление состояло из общего присутствия и канцелярии, состоящей из 1-го и 2-го распорядительных отделений (занятых общим делопроизводством, разбором разнообразных пререканий ведомств и жалобами), Врачебного отделения (под началом губернского врачебного инспектора), Строительного отделения (под началом губернского инженера), Ветеринарного отделения (под началом губернского ветеринарного инспектора), Межевого отделения, иногда называвшегося Губернской чертежной (под началом губернского землемера), Тюремного отделения (под началом губернского тюремного инспектора), типографии и редакции официальной губернской газеты. Функции правления ясны из названий его подразделений [4].

Наиболее важные дела решало Общее присутствие губернского правления – коллегия, состоявшая из губернатора, вице-губернаторов, советников правления, губернского врачебного инспектора, губернского инженера, губернского архитектора (с правом совещательного голоса), губернского землемера, губернского тюремного инспектора и ассессора. Присутствие имело канцелярию, отдельную от канцелярии губернского правления. Начальникам подразделений губернского правления был присвоен чин VI класса (коллежский советник). Несмотря на обширное описание, которое закон давал обязанностям Губернского правления, дел у него, за исключением разбора жалоб на действия других учреждений и отмены их решений, было очень немного. Медицинской, ветеринарной и строительной частью в действительности занимались земства и города, межевой – землеустроительные комиссии, тюрьмы находились в ведомстве министерства юстиции. Немногочисленные (около 50 человек в начале XX в.) чиновники Могилёвского губернского правления были загружены работой в меньшей степени, чем их коллеги из других губернских учреждений.

В адрес-календаре Могилёвской губернии за 1912 г. приведён следующий список учреждений, относящихся к МВД: Губернское присутствие, Губернское по воин-

ской повинности присутствие, Губернское присутствие по делам об обществах, Губернский статистический комитет, Губернский музей, Губернское по земским и городским делам присутствие, Губернское земское собрание, Губернская земская управа, Губернская больница, Георгиевская психиатрическая лечебница, Еврейское богоугодное заведение, Сиротский дом, Сеньковская земская богадельня, Могилёвская центральная фельдшерская школа императора Александра II, Могилёвская центральная повивальная школа, Дворянское депутатское собрание, Канцелярия губернского предводителя дворянства, Губернское жандармское управление, Полицейская стража [5].

Основным видом источников для характеристики чиновнического корпуса канцелярии губернатора и Могилёвского губернского правления являются формулярные списки. Согласно форме послужного списка для лиц гражданского ведомства, введённой в 1849 г. и сохранявшейся почти без изменений до 1917 г., формулярные списки содержали 14 граф. Эти графы отражали:

- 1) чин, ФИО чиновника, должность, знаки отличия, получаемое содержание в год;
- 2) социальное происхождение («из какого звания происходит»);
- 3) имущественное положение (наличие родовой или благоприобретённой собственности у него самого, родителей или жены);
- 4) образование;
- 5) время поступления на службу, продвижение по ней;
- 6) участие в походах и боевых действиях;
- 7) взыскания по службе, пребывание под судом и следствием;
- 8) время нахождения в отпусках и в отставке;
- 9) семейное положение («холост»/«женат») с указанием даты рождения детей и т.д.

Порой встречаются списки с нехваткой каких-либо данных, однако их немного и, как правило, недостающая информация является второстепенной.

Переходя к непосредственному рассмотрению материалов, обратимся, прежде всего, к социальному составу чиновничества указанных учреждений МВД в 1881–1917 гг. Изучение данного вопроса представляет первостепенный интерес с точки зрения выявления источников комплектования местной бюрократии. Установление круга этих источников, а также изучение эволюции чиновничества за определённый временной промежуток позволяет не только представить социальный облик бюрократии с позиции времени, но и охарактеризовать процессы социальной мобильности, определить степень участия представителей различных слоёв населения в управлении обществом посредством государственной службы. Под социальным составом чиновничества будет пониматься дифференциация служащих на социальные группы и слои в зависимости от их происхождения (дети потомственных дворян, церковнослужителей, обер-офицеров, чиновников, личных почётных граждан и т.д.), а не по формальной их принадлежности к тому или иному сословию или группе, которая в значительной степени определялась служебным статусом служащего, в частности его рангом, наличием особых заслуг и знаков отличия [6, с. 93–96]. Анализ формулярных списков могилёвских чиновников, позволил составить две таблицы, систематизирующие полученные данные. В них все служащие разделены на несколько групп. В первую включены чиновники, в формулярных списках которых сказано, что они выходцы «из дворян». Остальные группы представлены чиновниками недворянского происхождения. Это дети духовенства, обер-офицерские дети (сыновья солдат, дослужившихся до первого офицерского чина), потомки чиновников, выходцы из купечества, мещан и крестьян. Результаты исследования послужных списков 1885–1890 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Социальный состав чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1885–1890 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворяне	Церковно-служители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III	1	1							
IV	1	1							
V									
VI	3	2	1						
VII	5	4	1						
VIII	7	4	2		1				
IX	3	1	2						
X	5	2		1	1		1		
XII									
XIV	2	2							
Без чина	5	1		2	1			1	
Всего	32 (100%)	18 (56%)	6 (19%)	3 (9%)	3 (9%)	–	1 (3%)	1 (3%)	–

Материалы таблицы показывают, что в 1885–1890 гг. на государственной службе преобладало дворянство. Выходцы из этого сословия составляли примерно 56% чиновников канцелярии губернатора и Могилёвского губернского правления. С другой стороны, впрочем, необходимо обратить внимание, что дворянское доминирование в бюрократической среде не было абсолютным. Приведённые цифры убедительно свидетельствуют о том, что государство, испытывая недостаток в кадрах для своего аппарата, вынуждено было принимать на службу выходцев не только из высшего сословия, но и значительное число лиц из других слоёв населения [7; 8].

Анализ социального состава могилёвских государственных служащих свидетельствует, что вторым по значимости источником пополнения местной бюрократии была среда священнослужителей. Лица, вышедшие из духовенства, были наиболее образованными (после дворянства) среди представителей разночинной среды и составляли в качественном отношении неплохую часть провинциального чиновничества. Кроме того, идти на государственную службу их заставляла сама жизнь. Семьи священников были традиционно многодетными, поэтому не все дети могли получить приход по наследству и выходили из своего сословия, так как единственным способом прокормить себя была государственная служба. Сохранившиеся архивные материалы дают немало примеров успешного карьерного роста выходцев из духовенства. Так, одним из образцовых чиновников был сын священника Каллистрат Александрович Костко, который в 1886 г. был старшим чиновником особых поручений при Могилёвском губернаторе. Окончив Могилёвскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда, он в возрасте 20 лет был определён в штат Могилёвского губернского правления и утверждён в чине коллежского регистратора. Далее Каллистрат Александрович продвинулся ещё выше по служебной лестнице, приобретая не только чины, но и награды за «отлично усердную службу». В 1876 г. он получил орден «Св. Станислава 3-й степени», а в 1882 г. был награждён орденом «Св. Анны 3-й степени» [7, л. 32–35].

В 1914–1917 гг. социальный состав чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора выглядел иначе (таблица 2).

Таблица 2 – Социальный состав чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1914–1918 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворяне	Церковно-служители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III									
IV	2	1			1				
V	6	2	1			1	1	1	
VI									
VII	4	2		1	1				
VIII	4	1		2	1				
IX	2				1		1		
X	10	3			3		2	2	
XII	6				3		2	1	
XIV	4	1					1	2	
Без чина	22		4		3		10	4	1
Всего	60 (100%)	10(17%)	5 (8%)	3 (5%)	13 (22%)	1 (1,7%)	17 (28%)	10 (17%)	1 (1,7%)

В 1914–1917 гг. дворянство потеряло свою прежнюю роль основного поставщика кадров. Резко выросло представительство мещан, потомственных чиновников и крестьян на государственной службе. Если в 1885–1890 гг. они давали лишь 15% чиновников, то теперь выходцы из этих сословий составляли 67% служащих канцелярии губернатора и губернского правления. Выходцы из крестьянства догнали детей дворян по числу своих представителей в данных учреждениях МВД [9]. Данный факт можно объяснить отменой сословных ограничений для поступления на службу в 1906 г.

Резюмируя сравнительный анализ данных, относящихся к началу и к концу рассматриваемого периода, можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. шёл процесс «раздворянивания» государственной службы, выражавшийся в вытеснении дворян разночинцами. Можно сказать, что фактически реализовывался принцип рекрутирования служащих для бюрократического аппарата из всех слоёв населения.

Для установления уровня образования чиновников канцелярии губернатора и губернского правления, а также динамики его изменения нами были использованы те же формулярные списки за 1885–1890 гг. и 1914–1917 гг. Их данные позволили составить таблицы, характеризующие показатели образованности местной бюрократии. Данные в таблицах распределены по следующим рубрикам: 1) высшее; 2) незаконченное высшее; 3) среднее; 4) неполное среднее; 5) начальное; 6) домашнее. К имевшим «домашнее образование», помимо служащих, у которых в послужных списках имеется соответствующая запись, были отнесены чиновники с отсутствующими данными об образовании. Следует отметить, что формулярные списки с пустой графой, предназначенной для фиксации образовательного уровня чиновника, периодически встречаются. Отсутствие конкретных данных об образовании вряд ли стоит связывать с упущениями составителей формуляров. Образовательный ценз был одним из важнейших условий, принимавшихся во внимание при поступлении на службу. Следовательно, графа об образовании считалась одной из главных в послужном списке. Скорее всего, лица, в формулярных списках которых отсутствуют сведения об образовании, попросту не закончили никакого учебного заведения, получив «домашнее образование». Этот факт составители документов в силу его распространённости просто специально не оговари-

вали. Согласно полученным данным, образовательный уровень чиновников рассматриваемых учреждений МВД в 1885–1890 гг. выглядел следующим образом (таблица 3).

Таблица 3 – Образовательный уровень чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1885–1890 гг.

Класс	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III	1	1					
IV	1			1			
V							
VI	3	1		2			
VII	5			3		2	
VIII	7			1		5	1
IX	3				1	2	
X	6		1		2	3	
XII							
XIV	1		1				
Без чина	5			1	3	2	
Всего	32 (100%)	2 (6%)	2 (6%)	8 (25%)	6 (18,5%)	14 (44%)	1 (3%)

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период чиновники губернского правления и канцелярии не отличались высоким уровнем образованности. Служащих с высшим и незаконченным высшим образованием было 12%. Лиц со средним образованием было около 25%, в основном это были дворяне, закончившие гимназии, а также выпускники семинарий. 44% рассматриваемых чиновников имели лишь начальное образование. Лиц, имевших неполное среднее или высшее образование, было почти 25% [7; 8]. В 1914–1917 гг. картина образованности чиновников МВД в Могилёвской губернии выглядела несколько иначе (таблица 4)[9].

Таблица 4 – Образовательный уровень чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1914–1918 гг.

Класс	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III							
IV	2	2					
V	6	5		1			
VI							
VII	4		1		1	2	
VIII	4	1	1			2	
IX	2			1	1		
X	10			2	1	7	
XII	6					6	
XIV	4					4	
Без чина	22			1	3	13	5
Всего	60 (100%)	8 (13,3%)	2 (3,3%)	5 (8,3%)	6 (10%)	34 (56,7%)	5 (8,3%)

Сразу обращает на себя внимание значительный рост удельного веса чиновников, имеющих только начальное образование. Данный факт можно объяснить привлечением на государственную службу крестьян и мещан, которые зачастую могли позволить себе

только начальное образование, однако оно в данный период было профессиональным (землемерно-таксаторские классы, техническое железнодорожное училище, кондукторская школа и др.). Заметно выросло число чиновников, получивших высшее образование.

Заклучение

Таким образом, в составе корпуса чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в течение 1881–1917 гг. произошли серьёзные изменения. Изменилась социальная структура бюрократии, представителей «благородного сословия» существенно потеснили разночинцы. Совершенно новым явлением стало присутствие (пусть и на низших должностях) в губернских учреждениях выходцев из крестьянства. Дворянская монополия сохранялась только на высшие должности (губернатор, вице-губернатор, старший советник Могилёвского губернского правления и др.). Также в рассматриваемый период произошли изменения и в уровне образованности чиновников данных учреждений. После издания циркуляра «о кухаркиных детях» 1 июля 1887 г. среднее образование для большинства выходцев из крестьянского и мещанского сословия стало просто недоступным из-за значительного повышения стоимости обучения в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Поэтому в 1914–1917 гг. почти 57% служащих губернского правления имели начальное образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синельников, И.Ю. Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861–1917 гг. (на материалах Рязанской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И.Ю. Синельников. – Владимир, 2012. – 21 с.
2. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов вузов / Н.П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с.
3. Сидоренко, Б.И. Могилёвский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилёв : АмелияПринт, 2012. – 252 с.
4. Адрес-календарь и Памятная книжка Могилёвской губернии на 1907 год. – Могилёв : Типография Губернского Правления, 1907. – 467 с.
5. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1912 год. – Могилёв, 1912. – 387 с.
6. Бутусова, А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861–1917 гг. (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.А. Бутусова. – Курск, 2006. – 180 с.
7. НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1212. Формулярные списки чиновников канцелярии могилёвского губернатора за 1885 год. – 187 л.
8. НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1222. Формулярные списки и ведомости о числе служащих в ведомстве МВД.
9. НИАБ. – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 675. Формулярные списки членов и чиновников Могилёвского губернского правления 1914–1918. – 262 л.

Kuzmin A. Establishments and Officials of the Ministry of Internal Affairs in the Mogilev Province (1881–1917)

In this article the structure, personnel structure and activity of the Mogilev provincial establishments of the Ministry of Internal Affairs in the 1881–1917 years are considered. The author has studied social composition and an educational level of the Mogilev provincial officials by the analysis of officials track records, and also memorable books of the Mogilev province. The practical importance of this article in possibility of use of its materials in research of social and cultural history of Belarus, the history of state and law, and also in historical anthropology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2013